

Песни западных славян — эпизод 1 из 11

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Posies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzgowine* 1. Незвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С.А.Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Scto s bieli u gorje zeleno
Che mai biancheggia nel verde Bosco
Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.
Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.
Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,

Вся свечами озарена церковь.
Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божью церковь.
Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божью входит.
Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достигает...
Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы.³
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.
Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный фалангой⁴.
И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем⁵.

И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.
И султан прислужников кликнул
И сказал: Дать кафтан Радивою!6
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного.
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.
Громко мученик господу взмолился:
Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!
При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло будто не бывало.
И король ощупью в потемках
Коё-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.
Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба7,
И пошли бусурмане на приступ.
Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?
Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.
В церкви Спаса они братовались,8

И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.
Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.
Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.